

Задумавшись, Шао Цихань понял, насколько он был глуп. Слова уже сами собой слетели с его губ, но он всё ещё не осознавал происходящего.

— Ацзю, я считаю тебя самым важным человеком в моей жизни. А ты?

— Ацзю, этого не случится, не переживай.

— Хочешь, я сам тебе покажу?

— Я не такой заботливый и нежный, как ты.

— Не встречайся больше с Бай Сяоси.

— ...Мне не нравится, что в твоих глазах есть кто-то другой, ведь мы самые близкие люди...

Да, он не мог вынести, чтобы Ацзю ставил кого-то выше него. Это потому, что его чувства к Ацзю изменились, перестали быть просто дружбой...

Он злобно смотрел на любую женщину, которая приближалась к Ацзю, требовал, чтобы тот не принимал других женщин, и даже... использовал гель для душа Ацзю, чтобы удовлетворить себя.

Разве это дружба?

— Но я не знаю, что между нами: чистая дружба или святая любовь? Я сомневаюсь, я колеблюсь, втайне от тебя я часто плачу из-за этого глупого вопроса. Если это любовь, то как мы, две женщины, можем любить друг друга? Если это дружба, то есть ли на свете другая пара друзей, столь же неразлучных, как мы?

Слова Золушки снова всплыли в его памяти, и Шао Цихань горько усмехнулся.

— Да, кажется, я действительно... влюбился.

— В кого?! — глаза Мужун Цзю загорелись, он снова наклонился вперёд, с нетерпением ожидая ответа.

В тебя, Ацзю...

Глядя на Мужун Цзю, который превратился в любопытного ребёнка, Шао Цихань глубоко вздохнул.

Он не был гомосексуалистом, даже презирал таких людей. Зачем обнимать мужчину, когда можно обнять женщину?

В клубах полно таких мужчин, некоторые из них даже не мужчины, а скорее мальчики. Они одеваются вызывающе, красятся, и их трудно отличить от женщин. Но их грубые черты лица, выступающие кадыки и плоская грудь напоминают, что они такие же мужчины, способные возбудиться и кончить... Но уже на этой мысли Шао Циханю становилось противно.

И всё же он никогда не думал, что влюбится... нет, полюбит мужчину.

Был ли он от природы бисексуалом, и этот аспект скрывался в нём все эти двадцать с лишним лет? Или он стал тем самым несчастным из банальной, но правдивой фразы: «Я не гомосексуалист, просто я люблю человека своего пола»?

Шао Цихань предпочёл бы верить во второе. Он, ничего не подозревая, вдруг осознал, что влюбился в своего лучшего друга, и это шокировало его самого.

И что забавно и печально одновременно, человек, которого он полюбил, возможно, никогда не узнает о его чувствах и, следовательно, никогда не полюбит его.

Мужун Цзю был мужчиной, настоящим гетеросексуалом, и он был тем, кого Шао Цихань никогда не хотел отпускать.

Он не смел признаться Мужун Цзю, даже не решался намекнуть. Его уверенность и решимость разбивались о каменную стену, которую представлял собой Мужун Цзю. Он так сильно дорожил этим человеком, что боялся его...

— Я влюбился в человека, который, вероятно, никогда не полюбит меня... — опустив глаза, Шао Цихань произнёс эти слова тихим, горьким голосом, полным тоски.

Мужун Цзю, наблюдая за сменой эмоций на лице друга, постепенно перестал улыбаться. Он сжал губы и сухо произнёс:

— Кто может тебя не любить?

— Я не банкнота, чтобы всем нравиться, — Шао Цихань провёл рукой по своим растрёпанным волосам и сжал губы, его голос стал жалобным. — Мне достаточно, если ты меня любишь.

— Какая польза от моей любви? — видя, что Шао Цихань уже справился с эмоциями, Мужун Цзю с облегчением вздохнул. У него не было опыта в утешении друга, переживающего неразделённую любовь, ведь обычно его друзья не сталкивались с такими проблемами. — Конечно, я тебя люблю...

Шао Цихань спокойно улыбнулся в ответ, но его сердце билось как бешеное.

Он не знал, как быстро забилося его сердце, когда Мужун Цзю произнёс эти слова. В этот

момент Шао Цихань чувствовал себя так, будто его ударили ножом, и кровь медленно текла из раны. Боль была невыносимой, но вдруг нож снова вонзился в рану, остановив кровотечение, хоть и причинив ещё больше страданий.

Неужели это и есть «боль и радость одновременно»? Шао Цихань с горькой усмешкой подумал, что теперь ему остаётся только утешать себя иллюзиями.

Как он дошёл до такой жизни?

Пока Шао Цихань мучился в своих мыслях, Мужун Цзю, ничего не подозревая, произнёс слова, которые стали для него откровением.

— Но Хань, ты же не из тех, кто стоит на месте, — с улыбкой в глазах Мужун Цзю наклонил голову. — Ты ничего не предпримешь?

Хотя он задал вопрос, Мужун Цзю уже знал ответ — конечно, нет!

Если бы нужно было выбрать животное, чтобы описать Шао Циханя, Мужун Цзю без колебаний выбрал бы волка. Как и волк, Шао Цихань был настоящим хищником. Если у него появлялась цель, он следил за ней, выжидая момента, когда жертва совершит ошибку, и тогда нападал. Или же он просто показывал свои клыки, преследуя испуганную добычу, пока та не падала без сил, и тогда он наслаждался своей победой.

Такой Шао Цихань не мог ничего не делать.

Но ответ Шао Циханя разрушил все ожидания Мужун Цзю. Он просто спокойно сказал:

— Даже разбойник отступает перед тем, кого любит.

— Ты... — Мужун Цзю снова не нашёл слов. После паузы он сухо произнёс:

— Я просто не знал, что ты можешь быть таким.

Кто же этот человек? Ради кого Шао Цихань так изменился?

Любопытство Мужун Цзю только усиливалось. Конечно, он был заинтригован — этот загадочный человек явно полностью подчинил себе его друга, заставив его признать отступление. Для прежнего Шао Циханя это было бы равносильно тому, как если бы Джефферсон Дэвис объявил об отмене рабства перед армией Конфедерации.

Но вместе с растущим любопытством появилось странное чувство горечи.

Мужун Цзю не понимал, откуда взялось это тягостное чувство, и ему пришлось подавить его, решив, что он просто слишком чувствителен.

— Ты многого не знаешь, Ацзю, — Шао Цихань потянулся, его голос звучал лениво. — Но ты знаешь большую часть.

Мужун Цзю с лёгкой улыбкой кивнул:

— Это моя честь, Хань.

— Какая честь, — поправил Шао Цихань. — Это право! Ладно...

Он внезапно поднял правую руку и приложил указательный палец к слегка приоткрытым губам Мужун Цзю, прерывая его.

— Не будем говорить о другом. Почему бы тебе не пожелать мне удачи?

Мужун Цзю широко раскрыл глаза, словно превратившись в косоглазого, и движением глаз показал, чтобы Шао Цихань убрал палец.

Шао Цихань послушно убрал палец и внимательно посмотрел на Мужун Цзю, ожидая его благословения.

<http://bllate.org/book/15114/1335679>